

«ТИХИЙ КОНЦЕРТ»

Конец сентября 42-го года. В филиале Большого театра идут спектакли, но, кроме того, мы даем множество шефских концертов. Вот об одном из них, проходившем в военном госпитале на Ленинградском шоссе, я и хочу рассказать.

Люди в белых халатах, встречавшие нашу «бригаду» — Иван Семеновича Козловского, концертмейстера Семена Клементьевича Стучевского и меня, сразу же сообщили: «Рояль настроен, и все с нетерпением вас ждут. Но мы должны предупредить: нашим зрителям аплодировать не положено. Так что вместо привычных вам оваций будет стоять тишина».

Нас проводили в небольшую комнату, где помещался рояль, и быстро привезли на креслах-каталках наших зрителей. Их оказалось немного — человек двадцать—двадцать пять плюс расположившийся возле колясок и стен медперсонал.

Иван Семенович с присущей ему обаятельной простотой сказал несколько приветственных слов и сам открыл наш концерт. Романс Рахманинова «Здесь хорошо...» и Чайковского «Средь шумного бала», знаменитая ария Ленского, украинская песня, ария Левко из «Майской ночи» Римского-Корсакова... Пел он как-то особенно, задумчиво, даже как бы вполголоса. Но сила художественного впечатления была огромной от хрустальной

чистоты его голоса, от тончайшей смены настроений. Чувства, которые он вкладывал в каждое слово, в каждый звук, казалось, шли прямо от сердца... И с нашей «бесшумной» зрительской аудиторией свершалось чудо: люди преобразались, светлели их лица, начинали блестеть глаза...

Спев арию Левко, Иван Семенович взглянул в мою сторону и сказал: «А теперь Элла Бочарникова станцует вам свою «Цыганскую рапсодию». До сих пор не могу забыть охватившего меня волнения — ведь мне надо было не нарушить ту удивительную атмосферу, которая установилась здесь. Фронтовые концерты приучили меня ко всяческим неудобствам и трудностям — где только ни приходилось танцевать. Всякий раз я придумывала себе «места действия»: опушки леса, цветущие поляны вблизи раскинутых шатров цыганского табора. Мне всегда хотелось выражать в своем танце грезы «вольной дочери полей», радующейся жизни и мечтающей о любви...

В тот день магия вдохновения Козловского «заворожила» и мое выступление. «Обязательно пробисируй!» — лукаво

шепнул он мне вслед. Ведь аплодисментам-то звучать запрещено! Но кланяясь после танца, я прочла «Спасибо!» в глазах и улыбках моих зрителей.

А потом вновь пел Козловский. Еще одна украинская песня и так полюбившийся фронтовикам «Старинный вальс «Осенний сон», и, наконец, ария Герцога из «Риголетто». Какой блеск мастерства! Какой радостью было слышать его!

Мы уже, было, «откланялись», как вдруг из группы окружавших нас врачей раздался голос: «А вы не могли бы задержаться на часок? Мы подвезли бы еще нескольких не охваченных концертом наших больных!». Иван Семенович откликнулся тотчас же: «Конечно, останемся!».

И через полчаса мы снова повторили свой «тихий» концерт. И вновь происходило чудо преображения. Целебная сила искусства если не побеждала страдания, то все же помогала преодолевать их, даря облегчение и надежду...

Мы ехали из госпиталя по затемненным улицам, уставшие и притихшие. Выйдя из машины возле своего дома и прощаясь с нами, Иван Семенович задумчиво произнес: «Друзья, а ведь нам, пожалуй, никогда уж не забыть этого «тихого концерта», этих освещенных улыбками лиц и глаз!»

Да, такое не забывается.

Элла БОЧАРНИКОВА,
ветеран балета
Большого театра.